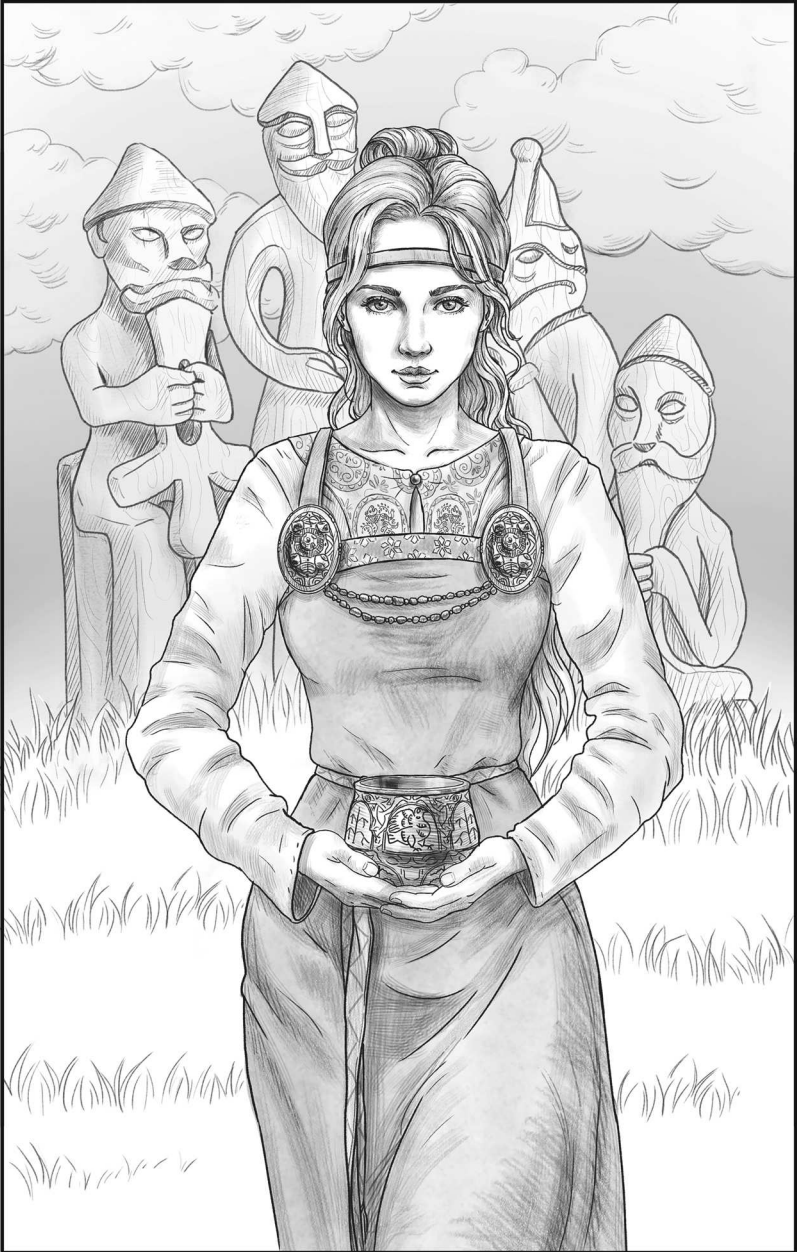

◆ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ◆

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
●
Гуннхильд, северная невеста
●
Венец Прямиславы
●
Тайна древлянской княгини
●
МАЛУША. За краем Окольного
●
МАЛУША. Пламя северных вод
●
ПРЕКРАСА. Дар берегини
●
ПРЕКРАСА. Последняя заря
●
СВЕНЕЛЬД. Зов валькирчй
●
СВЕНЕЛЬД. Путь серебра
●
СВЕНЕЛЬД. Хазарский меч
●
СВЕНЕЛЬД. В полночь упадет звезда
●
СВЕНЕЛЬД. Оружие вельвы
●
СВЕНЕЛЬД. Янтарный след
●
СВЕНЕЛЬД. Ворон Хольмгарда

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД

ВОРОН ХОЛЬМГАРДА

Москва 2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

Д24 Дворецкая, Елизавета. Свенельд. Ворон Хольмгарда / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-201323-2

Битва на Итиле разрушает вековой торговый путь из Руси в Хазарию. Свенельд, приехавший в землю мери за данью, передает предложение Олава-конунга: весенний поход по Волге до Булгара для налаживания новых связей.

Земля мери отныне особо ценна, и старейшины пытаются выйти из зависимости от владык Хольмгарда...

В центре событий оказывается семья Дага, самого уважаемого человека из русов Мерямаа. Старший сын Арнор идет в опасную «разведку боем». Дочь Арнэйд отныне — самая выгодная невеста, и борьба за ее сердце непредсказуема...

Без жертв не обойтись — и Свенельд берется за оружие.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворецкая Е., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201323-2

Часть первая

Глава 1

Силверволл, накануне Зимних Ночей¹

— Арни! Ну что ты там стоишь мокнешь? Я замерзла, пойдем домой!

Арнэйд куталась в плащ, отяжелевший от сырости. Дождь вроде бы не шел, но в воздухе зависла морось, одежда постепенно напитывалась влагой. Ноги застыли, пальцы заледенели. Хотелось домой, где тепло и сухо, пахнет горячими ржаными лепешками, пылает огонь в очаге, смолистый дым уходит под высокую кровлю. Поскорее бы сбросить плащ и кафтан, мокрые и тяжелые, и обогреться.

Арнор все смотрел куда-то вдаль, туда, где в роздыхе на восток от Силверволла текла за холмиками и рощами Мерянская река². Она служила границей: на западном ее берегу лежал Бьюрланд и подвластная Хольмгарду часть Мерямаа, а на восточном раскинулись малоизвестные земли, которые здешние русы считали частью Утгарда³. «Мы здесь живем на самом краю Мидгарда, отсюда уже

---

¹ Зимние Ночи — древнескандинавский праздник, дата начала зимней половины года, отмечался в конце октября. (*Здесь и далее прим. авт.*)

² По средневековому обычаю, здесь «рекой» называется водный маршрут, который мог включать несколько рек с волоками; в данном случае имеется в виду Молога и часть верхней Волги.

³ Утгард — «внешний мир» скандинавской мифологии, вне обжитого пространства, область опасного колдовства, место жительства троллей и ётунов.

Утгард видать», — каждый раз, глядя в ту сторону, вспоминала Арнэйд слова давно покойной матери. Силверволл располагался на длинном взгорке над Медвежьим ручьем, и отсюда открывался широкий вид на окрестные выпасы, полосы давно сжатых нив, дубовую рощу, которая и дала поселению его мерянского название — Тумер. В теплую пору вид бывал довольно веселый, особенно когда скотина паслась на лугах, но сейчас любоваться было нечем: взгорки в блеклой траве, ручей в желтой высохшей осоке, черные ветки голых рощ, груды бурых палых листьев. Угрюмое вечернее небо давило, гнало под крышу.

Наконец Арнор повернулся и направился к ней. Глядя сквозь морось, как приближается его высокая, плечистая фигура, как он движется — спокойно, уверенно, как человек, полностью владеющий своим телом и не делающий лишних движений, — Арнэйд еще раз удивилась: в какого внушительного мужчину вырос ее брат! Во всей округе мало ему равных. Арнор был старше ее на год, но и сейчас в мыслях она нередко видела его большеглазым мальчиком лет восьми — каким запомнила в детстве. А он уже... настоящий великан, особенно в этих сумерках.

— На что ты там засмотрелся? — окликнула его Арнэйд. — У меня ноги совсем застыли.

Поверх шерстяных чулок на ней были носки-волосянки⁴, но холод стылой и влажной осенней земли уже добрался до пальцев.

— Просто вспомнилось... — Арнор не заметил ее досады. — Был какой-то вечер... или несколько, я не помню. Уже в самом конце, перед тем как мы до знакомых краев добрались. Тоже была морось, сначала дождь шел, потом вот такое, уже не дождь, а скорее туман, густой, хоть ножом режь. Мы плывем, налегаем, чтоб не ооченеть, все молчат... Говорить не о чем, осточертели эти рожи, эти весла, эта река, а деваться некуда. Вот совсем некуда, ты только

---

⁴ Волосянки — носки, связанные из конского волоса, почти непромокаемые.

представь — гребешь и не знаешь, будет ли что впереди, или мы уже в таком месте, где кроме тумана и нет ничего...

— Мокрая Морось... — прошептала Арнэйд, намекая на палаты Хель.

— Вроде того. Вокруг тихо, берегов не видно, только весла плещут, уключины скрипят... Слушаешь это, слушаешь, и уже не понимаешь, где ты, кто ты, жив или умер... Вот правда, кажется, что ты уже умер и будешь так грести вечно...

Он замолчал, не то оживляя в памяти это ощущение, не то стараясь его прогнать.

— Арни, перестань! — взмолилась Арнэйд и взяла его за руку — тоже влажную от дождя, жесткую. Его пальцы неподвижно лежали в ее ладони, не отвечая на пожатие. — Ведь прошел уже год, как вы вернулись! Вы давно дома, неужели ты так будешь вечно... грести!

— Я иногда думаю... Может, мы и правда тогда заплыли куда-то в Нифльхель. Нас потом оттуда выпустили, но часть...

«Часть души осталась там». Арнор не сказал этого вслух, но Арнэйд поняла. Она не смела возражать: ее братья вернулись с Хазарского моря не такими, какими ушли, и некая отстраненность поселилась в их глазах. Особенно у Арнора. Виги, младший, более веселого и легкого нрава, год спустя уже был больше похож на себя прежнего.

Что сделать, чтобы вернуть и ту, потерянную часть души?

— Пойдем! — с нежной мольбой произнесла Арнэйд и потянула брата к дому.

* * *

— Это было давным-давно, еще до того, как Торрод конунг впервые пришел из Хольмгарда в Мерямаа и обложил племя мери данью...

В темноте холодный дождь усилился, звучно капало с крыш, постукивало в заслонки на оконцах. Но оттого еще уютнее было сидеть в полутьме, глядя на огонь в просторном, сложенном из валунов очаге посреди дома,

ощущать запах смолистого дыма, уходящего под высокую кровлю. Ближе к весне любому опротивеет этот дым, но сейчас он, товарищ жаркого огня, разведенного в доме среди осенней промозглой сырости, нес блаженство, обещающая защиту хрупкой человеческой жизни от губительных духов холода и тьмы.

Арнор и Арнэйд оставили у двери мокрую обувь и пробрались в дальний угол, к ларю, чтобы найти сухие чулки. «Коленки совсем застыли», — шепнула Арнэйд и, усевшись на ларь, стала растирать их; Арнор опустил на колени рядом и принялся сам растирать ей замерзшие ноги, поглядывая на людей у очага.

В эту пору в доме у Дага каждый вечер бывали гости. Они приходили уже после еды, не к столу, а чтобы послушать его рассказы. Прямой наследник изначальных северных насельников на Мерянской реке, Даг знал все предания о тех, кто обосновался здесь больше ста лет назад и заложил основы мерянской руси. Его деды устроили первое святилище, и люди из рода Дага приносили жертвы за весь Бьюрланд — Страну Бобров, как русы называли эти места.

— Жил один человек, и звали его Хринг. Однажды пошел он в лес, стал рубить дерево, а оно и упало прямо на него. Лежит он, не может освободиться. Вдруг видит — идет медведь. Ну, думает Хринг, пришла моя смерть. А медведь ему говорит: «Что ты дашь мне, если я тебе помогу?» «Возьми, — говорит Хринг, — что пожелаешь». «Хорошо, — говорит медведь, — когда настанут Зимние Ночи, я приду к тебе и возьму то, что мне желательно...»

Арнор и Арнэйд сели ближе к очагу, Арнэйд взялась за пряжу. Эти слова были в числе ее самых ранних воспоминаний. Лет пятнадцать назад или даже больше, когда она была такой же, как Ерлави — одна из младших сводных сестер, что еще не научилась прясть и все лезла к Арнэйд на колени, — эти же саги рассказывал дед, Арнбьёрн. Отец тогда еще не начал седеть, его широкие плечи не горбились, и он не хромал на левую ногу. В те годы Даг был таким же стройным и полным сил, как сейчас Арнор. Брат сидел напротив, и она видела, как пламя очага отражается в его

задумчивых глазах. Арнор и Арнэйд, старшие дети своих родителей и погодки, были очень схожи: продолговатое лицо с высокими скулами, из-за чего щеки кажутся слегка впалыми, большие светлые глаза, ровные брови. Только нос у Арнора был прямой, с легкой горбинкой от перелома, а у Арнэйда — курносый, материнский; зато глаза ей достались более яркого оттенка. О своем сходстве они знали от родичей, но каждый из них считал, что другой уродился куда красивее. Арнэйд находила, что брат ее очень видный мужчина; Арнор полагал, что сестра очень привлекательная девушка, особенно благодаря голубым глазам, и что ее своеобразные черты — в них отразилась славянская, варяжская и мерянская кровь, — вместе с древностью рода, благоразумием и доброжелательностью делают ее редкой драгоценностью среди женщин Силверволла.

Заметив, что Ерлави мешает сестре работать, Арнор приподнялся, протянул руки, снял малявку с колен Арнэйда и посадил к себе. Арнэйд благодарно улыбнулась ему. У нее хорошие братья — Арнор и Вигнир, те, что ей родные и уже взрослые. Дети мачехи, Ошалче, пока еще малы — старшему лишь семь лет, — и непонятно, выйдет ли из них толк.

— Было у Хринга три дочери, — рассказывал тем временем Даг. — И вот подошли Зимние Ночи, стали в доме варить пиво и готовить угощение. Однажды вечером стучит кто-то в дверь. Открывает Хринг — а за порогом стоит медведь..

Голосом и повадкой Даг так ловко выразил испуг хозяйина, что младшие дети взвизгнули.

— И говорит ему медведь: «Помнишь, Хринг, ты летом обещал мне кое-что? Вот я пришел за моей наградой». «Что же ты хочешь? — спрашивает Хринг. — У нас есть хлеб, и мясо, и пиво, я готов хорошо угостить тебя». «Нет, — отвечает медведь, — всего этого у меня в доме и так вдоволь, только нет хозяйки. Хочу я получить в жены одну из твоих дочерей». Испугались девушки. Две старшие дочери говорят: «Нет, ни за что мы не пойдём с медведем, чтобы он съел нас у себя в берлоге!» И только младшая,

Аста, сказала: «Видно, это добрый медведь, если он не съел нашего отца, а спас, я пойду за него замуж». И вот она уходит с медведем. Долго они шли через лес, и видит Аста — стоит большой хороший дом. Медведь говорит ей: «Подожди здесь, увидишь, что будет». Заходит он в дом, а потом оттуда выходит человек и приглашает ее войти...

Хорошо зная эту сагу, Арнэйд слушала одним ухом, не переставая прясть и наблюдая за Арни. Ему удалось укротить Ерлави и заставить сидеть смирно: видно, шепнул ей, что отдаст ее медведю, если она будет елозить и шуметь. В свои двадцать три года, рослый, сильный, с неторопливыми уверенными повадками, с глазами, отражавшими немалый жизненный опыт, Арнор выглядел совершенно зрелым мужчиной, и пятилетняя Ерлави у него на коленях могла бы сойти за его дочь. Да и будь он из мери, как раз такое дитя уже мог бы иметь — его женили бы лет шесть назад. Но русы Бьюрланда, хоть и жили среди мери уже пять-шесть поколений и часто брали в жены мерянок, сохранили свой язык и обычаи. Даг не торопил взрослых сыновей обзаводиться семьей, хотя после того знаменитого похода на Хазарское море, когда они так прославились и взяли много хорошей добычи, им легко удалось бы сосватать лучших невест — хоть из русских, хоть из мерянских родов.

«Только не это! — порой восклицала Арнэйд, заму-ченная возней с младшими сводными сестрами. — Если еще и вы женитесь и мне придется качать ваших детей, я убегу от вас в лес!»

Ошалче, вторая жена Дага, славилась плодовитостью и рожала по чаду каждый год. Однажды у нее получились сразу двое, но один через полгода умер. Еще парочку тоже забрали боги, но осталось достаточно, чтобы дому не грозила тишина — в нем галдели семеро малых детей. «Неудивительно, что Арни и Виги сбежали от вас за Хазарское море и не возвращались три лета!» — порой говорила им Арнэйд, измученная необходимостью кормить их, укачивать, обшивать, мыть, одевать, лечить, развлекать, укрощать и мирить. Ошалче никак не могла бы справиться с ними, к тому же она и сама часто бывала нездоровая.

Потому и не торопила падчерицу замуж — одна, даже при помощи служанок, Ошалче не могла бы управлять таким домом, где полно детей, скотины, челяди и гостей, где четыре раза в год устраиваются большие пиры для жителей Бьюрланда и сборщиков дани из Хольмгарда, где хозяину ежедневно приходится улаживать чужие дела, а дом целиком остается в ведении хозяйек.

— И вот стала Аста жить у медведя. Все у нее было хорошо, кроме одного: едва светало, как ее муж превращался в зверя и уходил в лес, а возвращался только в сумерках и тогда опять делался человеком. Все у нее было, и жила она счастливо. Да только двум ее старшим сестрам это счастье не давало покоя. Не могли они смириться с тем, что Аста живет так хорошо, а они отвергли жениха-медведя и остались ни с чем. Однажды подговорили они охотников, чтобы те выследили в лесу медведя и убили его. Напали охотники на медведя и так его изранили, что он с трудом добрался домой. Увидела его Аста, всего в крови, закричала, а он сказал ей: «Пришло мне время умереть. У тебя скоро родятся три сына. У одного будут ноги, как у лося, у другого — уши, как у волка, и только третий будет весь похож на человека. Он вырастет великим мужем, и от него произойдет большой род». С теми словами медведь и умер...

Судя по глазам Арнора, он тоже едва слушал отца и мысли его блуждали где-то далеко. Арнэйд догадывалась — где. Они с Виги не так уж много рассказывали о Хазарском море, но если участники того похода собирались вместе, то разговоров хватало на половину ночи. Они вспоминали своих товарищей, живых и павших, своих вождей — Боргара Черного Лиса, который возглавлял северное войско в начале похода, Годреда и Свенельда, которые привели войско назад через неведомые земли, Грима конунга из Хольмгарда, Амунда — князя бужанского. Арнэйд слушала тайком, будто бы увлеченная пряжей, но старалась не упустить ни слова — особенно когда звучало имя Свенельда.

Не сказать чтобы Свенельд так уж хорош собой: черты правильные, но жесткие, не приспособленные для улыбок, глубоко посаженные глаза, высокие скулы, твердая

складка ярких губ. Нос, ранее безупречно прямой, после похода обзавелся горбинкой от перелома и стал смотреть немного в сторону. Не очень заметно, но если приглядеться, то видно. Кожа после трех лет под жарким солнцем так загорела, что стала темнее бровей и волос. Прошлой осенью, когда Арнэйд в последний раз его видела, он имел дикий вид, как и все его спутники. Наткнувшись на них в лесу, Арнэйд приняла их за ёлсов и чуть не умерла от страха. Она слегка прикусила губу, чтобы не засмеяться, вспоминая, как неслась от них по лесу, а они гнались за нею, чтобы выяснить, куда наконец вышли.

Воспоминания приводили ее к тому поцелую... ну, когда он понял, что они дошли до Силверволла и их многомесячный путь через Утгард окончен... Прошел год, но она так хорошо помнила то ощущение, когда коснулась щекой его теплой щеки, его бороды, когда его губы прижались к ее губам... Ей казалось, что в тот краткий миг она узнала о страсти и о том, что такое мужчина, больше, чем за все двадцать один год жизни. Даже сейчас от этих воспоминаний где-то внутри становилось тепло и сладко. Арнэйд подавила вздох. Это воспоминание было ей дорого — дороже шелкового покрывала, серебряной самоцветной коробочки и перстня с сердоликом, которые он поднес ей в благодарность за ту встречу... Прошел год, и не стоило надеяться, что Свенельд еще когда-нибудь ее поцелует, но мысль поцеловаться с кем-нибудь другим нисколько ее не прельщала.

«Если бы я мог, Арнэйд, — вспоминался ей хриплый голос, говоривший ей почти в ухо, чтобы не слышал никто другой, — я подарил бы тебе перстень...» В голосе его звучало сожаление, но оно и рядом не стояло с тем, что чувствовала она. «Но я.. ну, ты знаешь. Я не могу».

— И вот Бьярнхедин⁵ вырос в могучего и уважаемого мужа, как и предсказывал его отец..

---

⁵ Имя Бьярнхедин означает «медвежья шкура»; как и некоторые похожие, оно могло изначально обозначать участника мужского воинского союза, каковые союзы нередко становились основой новых племен.

Сквозь эти мысли едва пробивался голос Дага. Пока Арнэйд думала о своем, у Асты, медвежьей вдовы, успели родиться три сына, из которых двое были чудовищами, как и положено исчадиям Утгарда, и только один походил на человека.

— Он был очень ловок на охоте и часто ходил в походы в чужие земли, откуда привозил много разных богатств. Он умел оборачиваться медведем, и если кто-то бывал с ним в ссоре, то в облике медведя он нападал на стада того человека, убивал его скот и вынуждал отселиться подальше от этих краев. И так он скоро занял главенствующее положение, и все жители округи признавали его власть... Он устроил святилище близ Силверволла — тогда это место называлось по-мерянски Тумер — и служил в нем, принося жертвы богам за свой род и всю округу...

Свенельдова молоденькая жена приходилась дочерью князю из каких-то далеких вендских земель, и Свенельд раздобыл ее четыре года назад в военном походе. Род Альмунда тоже восходит к ютландским конунгам, пусть и по женской ветви, и Арнэйд, не имевшая среди предков никаких конунгов, Свенельду была неровней. Но незаметно, чтоб он сам хоть сколько-то об этом думал. Он всегда был сдержан в обращении, не подмигивал и не сыпал льстивыми словами, но, если Арнэйд встречала его пристальный взгляд, у нее обрывалось сердце. Так не смотрят, когда равнодушны... Эти глаза стояли перед нею как наяву — цвета желудя, под прямыми русыми бровями, со взглядом сосредоточенным и острым.

— И вот на третий день после погребения Бьярнхедина Торир вдруг видит сон...

Очнувшись от мыслей, Арнэйд обнаружила, что пропустила почти всю сагу о своем знаменитом пращуре. В ней нет крови конунгов, но, может быть, Свенельду и понравилось бы иметь жену, происходящую от медведей-оборотней! Мужчины в роду Бьярнхедина Старого неслучайно отличаются высоким ростом, отвагой в бою и удачей на охоте.

— И он сказал: пойди к моему кургану и возьми мой пояс — он будет лежать на вершине. Скоро твоя жена

забеременеет, и когда ребенок в ее чреве впервые зашевелится, обвяжи ее моим поясом — и тогда я смогу родиться вновь...

Эта часть саги была самой важной — мать каждого из детей рода в нужный час надевала старинный «пояс Бьярнхедина», и каждый из них нес в себе не только кровь, но и дух прадеда-оборотня. И Арнэйд, и Арнор, и Виги, и вся эта мелкая поросль детей Ошалче. «Если будешь так дурно себя вести, старый Бьярнхедин на тебя рассердится и у тебя вырастут медвежьи уши! — порой пугала их Арнэйд. — И тогда нам придется выгнать тебя из дома в лес, потому что с медвежьими ушами жить среди людей нельзя!»

Уже какое-то время Арнэйд замечала, что за дверью происходит некое шевеление: она то приоткрывалась, то затворялась снова. Было похоже, что кто-то желает войти, но не решается прервать рассказ. Лучше бы этот кто-то тихо вошел, сел у двери и не выпускал тепло. Как только отец закончит, надо будет пойти и втащить этого робкого гостя...

И едва Арнэйд успела об этом подумать, как дверь распахнулась во всю ширь. Арнэйд удивилась: гость-то осмелел!

А потом она удивилась еще сильнее. В дверной проем сунулось что-то огромное, темное, косматое... Переступив порог, оно выпрямилось и заревело; в глаза бросилась медвежья морда, косматая бурая шерсть...

Тишина мирного вечера разом сгинула; дети завизжали, все вскочили, поднялся крик, какая-то посуда загремела, катясь по полу. Арнэйд, выронив веретено, прижала к боку ринувшегося к ней Еркая — семилетнего брата; Арнор встал, держа на весу орущую Ерлави и собираясь засунуть ее к себе за спину. Даг поднялся и в изумлении шагнул к неожиданному гостю.

— Ты кто такой? — сквозь гомон расслышала Арнэйд голос отца.

— Я — медведь! — человеческим голосом доложил гость. — Ищу себе невесту, и вот слышал, что у тебя есть в доме незамужние дочери.

Арнэйд немного опомнилась. Она с первого взгляда разобрала, что это не зверь, а человек в медвежьей шкуре с мордой на голове — разница ведь хорошо заметна, да и не раз ей случалось видеть ряженных, — но от неожиданности этого явления ее разум не поспел за чувствами.

— Не бойся, — сказала она Еркаю, — этот медведь тебя не тронет. Сегодня он пришел не за мальчиками.

С лица Дага ушло изумление, он снова принял вид гостеприимного хозяина. Только что законченная сага ожила и сама явилась в дом, и он знал, как ему следует себя вести на месте своего пращура.

— Дочери у меня есть. Но я, признаться, не собирался никого из них сейчас выдавать замуж.

— Я вижу, вот эта девушка совсем уже взрослая. — Придерживая края шкуры, чтобы не расхотелись, медведь прошел вперед и остановился перед Арнэйд. — Слышал, она очень хорошая хозяйка. Мне как раз такая нужна, чтобы управляться в моем доме. Не отдашь ли ты мне ее?

— Это надо спросить у самой девушки. — Даг улыбнулся. — Пусть она решает, а я не стану ее принуждать или удерживать.

— Что ты скажешь, девушка? — обратился медведь к самой Арнэйд. — Не хочешь ли ты стать моей женой?

— Благодарю, это немалая честь для меня, — вежливо ответила Арнэйд. — Но у меня столько работы в этом доме, что я никак не могу его оставить. Довольно, Гудбранд, у нас все дети описаются от страха. Сними эту шкуру.

— Здорово я вас напугал? — с гордостью ответил медведь и сбросил с головы морду.

Под шкурой обнаружился мужчина лет тридцати с небольшим — среднего роста, плечистый, с продолговатым лицом и таким высоким прямоугольным лбом, что он казался равным всей части лица от переносицы до подбородка. Так же и верхняя часть его стана, с широкой грудью и налитыми плечами, казалась тяжеловатой для ног, как будто он изо всех сил вдохнул, раздулся и не может выдохнуть. Черты лица у него были весьма приятные, русые волосы непокорно вздыбились. Гудбранд сын Гримкеля занимал